

Вы прошли огромный путь

Щедровицкий П.Г. Вы прошли огромный путь // Телеграф. 06.11.2013. №45 (2671)

В конце лета в Юрмале во второй раз прошла Летняя школа по методологии, где ведущие российские интеллектуалы обсуждали тему "Смысл". Отвечая на вопросы «Телеграфа», организатор школы, российский методолог и философ Петр Щедровицкий поделился своим представлением о происходящем в мире, в частности, почему Россия и Латвия двигаются в разных направлениях.

Близкое место

— Вторая летняя школа в Юрмале - насколько это случайно?

Это знак. Для слушателя из России это доступное и достаточно близкое место. К тому же сейчас как-то проще стало с визами. В прошлом году обсуждали круг вопросов, связанных с производством, обращением и использованием знаний: в науке и исследованиях, а также формирование обыденных знаний, классификаций, типологий. В этом году это тема смысла: понимания, интерпретации, истолкования, процедур, связанных с фокусировкой сознания на явлениях и предметах мысли и понимания, а также личностного, психологического смысла поведения и действий человека в различных ситуациях. У слушателей была возможность за неделю послушать 10-12 лекций ведущих российских психологов, социологов, философов, представляющих разные традиции.

Для местных, живущих в Риге и Латвии, это одна из немногих возможностей послушать и пообщаться с лекторами и экспертами высочайшего класса. Обычно пригласить такого человека это целая

история: нужно договариваться с ним самим, находить деньги на прием...
А наш организационный взнос носит символический характер.

— *Можно ли эти лекции посмотреть в интернете?*

Можно. Но я рекомендую тем, кто всерьез интересуется этими вопросами, не пожалеть недели. Обсуждаемая сложная проблематика все-таки требует погружения, и ничто не заменит непосредственного и активного участия в процессе, возможности обсудить услышанное с коллегами и новыми знакомыми, задать свои вопросы живому лектору.

— *Целевая аудитория школы?*

Широкая. На последней школе было достаточно много управленцев, для которых важны гуманитарные практики, связанные с организацией коллективной работы. Те, кто в работе над сложными программами и проектами сталкиваются с проблемой формирования смысла.

— *Тема следующей летней школы?*

Что-то про объекты: объекты управления, создание представлений об объектах, идеализации, объективации, моделировании и так далее. Обычно мы объявляем место проведения и тематику лекций за 2-3 месяца.

Восстанавливая разрыв

— *Многие из выступавших говорили о разрывах в смыслах. Что это значит для сегодняшних людей, живущих и действующих в постсоветском пространстве в России и в Латвии?*

Перед тем, как ответить на ваш вопрос, стоит обсудить другой: о роли в человеческой жизни гуманитарного знания и философии. Ключевой проблемой в Советском Союзе, которая никуда не делась и во всех

постсоветских странах, включая балтийские, выступало отделение, «вываливание» из европейской философской и гуманитарной культуры. Хотя марксистско-ленинская философия была вознесена на высокий пьедестал и реально влияла не только на политику, идеологию, науку, но и на обыденное мировоззрение, - за всем этим скрывался разрыв с предшествующей европейской традицией. Фактически единственным связующим звеном оставалась фигура Карла Маркса. Однако понятого не как мыслителя, отвечавшего на интеллектуальные вызовы середины XIX века, а как догму, совокупность непреложных истин.

Многие оригинальные русские философы, продолжавшие свободное философское размышление, в том числе и над Марксом, были изгнаны из Советского Союза. Можно вспомнить известную историю с высылкой ведущих русских интеллектуалов осенью 1922 года на «философском пароходе». Для СССР с его жесткой структурой фигура философа была неприемлема. Остается радоваться, что не всех расстреляли, что многих выслали, предоставив возможность работать за границей. За счет чего русский язык, русская интеллектуальная традиция оказали определенное влияние на мировую мысль.

Советское языковое и культурное пространство оказалось отделенным железным занавесом от развития мировой философии. Поэтому многие вещи, которые с 1990-х начали переводить на русский, мы до сих пор не можем толком ни понять, ни перевести. Ведь для перевода нужны соответствующие термины, понятия и смыслы в той культуре и языке, на который осуществляется перевод.

Контекст понимания был отделен колючей проволокой или, если угодно, Берлинской стеной. Люди, работавшие в западной философии и гуманитарных дисциплинах, не допускались на территорию за барьером. Ни лично, ни своими книгами, которые не переводились. И это продолжалось не год, не два - несколько десятков лет. И даже когда в

начале 1960-х наметилось небольшое послабление, оно коснулось в основном представителей марксистской традиции. Многие вещи мы начали узнавать - причем не только интересующиеся обыватели, но и профессионалы - с перерывом в 50-60 лет. Что происходит за полвека с полем смыслов? Оно радикально трансформируется.

Поэтому мы, мыслящие на русском языке, сегодня оказались перед двумя вызовами: необходимостью вспомнить самих себя, то есть русскую культуру, русскую философию семидесятилетней давности, вновь прочертить линии преемственности мысли из XVIII-XIX веков в XX и XXI и необходимостью понять тех, кто за это время прошел огромный путь развития философских идей, двигаясь в пространстве других языков и культурных кодов.

Я говорю не только о внутрифилософских специальных делах. Выпадение из философского и гуманитарного контекста проявилось в серии социальных разрывов. В результате сдвига в представлениях существенным образом изменилась сама социальная реальность, появились новые практики юридических и межконфессиональных отношений, миграционной политики и общественной интеграции, внутригосударственного управления и межгосударственных отношений...

Все понимают, что в Советском Союзе была другая экономика, но далеко не все осознают, что там была и совершенно другая социальность. Речь идет не просто об отсутствии знаний, что можно легко восполнить, но об отсутствии ценностей, глубинных моделей поведения, социальных ролей и взаимоотношений. Прошло более 20 лет после распада СССР, но это не значит, что мгновенно перестали существовать старые системы и структуры, а на их месте возникли новые.

— То есть эта тема напрямую затрагивает не только философов и антропологов, но и всех нас?

Главное, чтобы это не выглядело как реклама прийти на школу, а то у нас мест не хватит. Я ничего не рекламирую... К тому же обычно люди проживают-преодолевают все эти перемены и проблемы не мыслью, а телом. Ведь как можно научиться плавать? Одно дело - смотреть об этом фильмы и читать книжки, а можно просто прыгнуть в воду и плыть - тонуть и выплывать. Жестко, но эффективно.

Мы же, скорее, даем язык для осознания этих вопросов и обращаемся к тем, кому удобнее решать телесные проблемы через мысль. Через самоорганизацию и самоосознание.

Преодолевая советизм

— Вроде бы на Западе также наблюдается иссякание смыслов - фаза постмодерна. Не есть ли это попытка подстроиться под то, что умирает, вместо того, чтобы идти своим, российским, евразийским путем?

Следует понимать, что социальные процессы имеют большую массу и инерцию. Исторические изменения вызревают десятилетиями в глубинных социальных структурах. Именно поэтому так трудно даются радикальные реформы. Любой из ваших читателей, даже самый молодой, отлично понимает, что за 20 лет после краха СССР по большому счету мало что изменилось.

Безусловно, в Латвии можно выделить ряд европейских трендов, которые в большей степени вошли в латвийскую жизнь, чем в российскую. Поскольку здесь они целенаправленно заимствовались, общество сознательно переформатировалось под новые ценности, институты, системы отношений между людьми. Что в меньшей степени происходило в России. При больших различиях между советской и сегодняшней российской ситуацией приходится признать, что за эти 20-25 лет в России удалось сделать не так много.

Поэтому когда вы говорите о кризисе, который некоторые аналитики наблюдают в Европе, то тут следует понимать, что кризис кризису рознь. Десятипроцентная безработица в стране, где 40-50% населения заняты малым бизнесом и предпринимательством, и та же безработица в стране, где только крупные госпредприятия, а пульсирующая, быстро реагирующая на любые экономические изменения среда малого бизнеса вообще отсутствует, - это разные десять процентов. Глядя на сухие цифры статистики безработицы, следует каждый раз понимать, что за ними скрывается. Безработица в городе, расположенном в Сибири или на Урале, где после закрытия единственного градообразующего предприятия вообще некуда пойти, - это безработица навсегда. Одна ситуация с безработицей в стране, где более 70 % ВВП производится 50 крупными государственными компаниями, и совсем другая картина при подвижной экономике с развитыми сферами обслуживания, малого и среднего бизнеса, при высокой степени социальной мобильности, богатой социальной ткани. В более гибком обществе ты можешь потерять работу на несколько месяцев, но всегда есть возможность временной занятости, шанс переквалифицироваться, перейти в другую область... Хотя эти микродвижения не всегда отражены в большой статистике.

— Хотя в Латвии де-факто произошло заимствование внешних форм и знаков европейской цивилизации, во многом она остается постсоветской страной. Оказалось, что само по себе членство в ЕС мало что гарантирует...

С одной стороны, вы, безусловно, правы. Но ваша правота совершенно по-разному выглядит, если на нее смотрит латвиец или человек, приехавший из России. У латвийцев, испытавших на себе все сложности здешней трансформации, своя система оценок. Когда от многих жителей Латвии я слышу критические замечания по сути, темпам, степени эффективности происходящего в вашей стране, то я, конечно, понимаю, о чем речь. Но когда вы смотрите на то же самое из России, то я вам могу

ответственно сказать - вы прошли огромный путь. Если остаточный советизм Латвии сравнить с прогрессирующим советизмом России, то вы по-другому отнесетесь ко многому, что сегодня критикуете. Если обычно вы сравниваете себя с Европой, куда теперь можете поехать устроиться на работу, то попробуйте себя сравнить с теми, кто не встал на этот путь и даже с какого-то момента начал двигаться в противоположную сторону.

И второй момент. Латвия очень разная. Уровень освоения европейских институтов сильно отличается в Риге и в Даугавпилсе. Хотя бы потому, что Рига крупный город, где больше событий, более интенсивная жизнь, выше уровень мобильности. Те же двадцать лет, та же политическая структура, те же законы, а темпы и социокультурная среда разные. И даже когда вы из Даугавпилса доезжаете до Резекне, то и здесь вы отмечаете определенные различия. Выходит, помимо общих условий в каждом конкретном случае важны подробности: характер местного самоуправления, тип промышленности и тип ментальности, тип расселения, активность местных сообществ. Это важно и для Латвии, и для всей Европы, где нет двух похожих стран и регионов.

Автор книги "Переходы от античности к феодализму" Перри Андерсон связывает эти различия аж с распадом Римской империи, степенью близости и удаленности от имперских центров Западной Римской империи и Византии. Поэтому в северных странах сложилась одна ситуация, ближе к Риму - другая, ближе к Константинополю - третья, а в Восточной Европе, к которой относятся Польша с Прибалтикой - четвертая.

— Многие в латвийском обществе сегодня с ностальгией вспоминают Советский Союз, как некий античный идеал, разрушенный злыми варварами-капиталистами...

Жаль... Да, такая тенденция наблюдается и в России. Люди склонны забывать плохое и на волне неприятия и оппозиции нововведениям мифологизировать прошлое. Но в целом, жаль... Потому что даже в своих

лучших проявлениях, скажем, в попытке построения советского варианта общества всеобщего благосостояния в 1960-е годы, Советский Союз оставался страной с людоедским строем.

Беседу вёл Игорь Ватолин

Материал на сайте:

<https://shchedrovitskiy.com/vi-proshli-ogromniy-put>